

МЫ ЖЕ РУССКИЕ ЛЮДИ

Директор небольшой мебельной фирмы Игорь Петрович Костин, офицер-отставник лет пятидесяти пяти, решивший попытать счастье в бизнесе, уже с самого утра изрядно устал. Последнее время дела фирмы складывались неудачно: то качество сырья низкое, то перебои с комплектующими, то фурнитура ненадежная. И, как следствие, выработка готовой продукции снизилась, спрос на мебель упал.

Директор всячески стремился в короткий срок исправить положение. Он вставал чуть свет, вызывал машину. Едва успевал выпить чашку кофе, как «Ауди» уже стояла у подъезда.

— На износ работаете, Игорь Петрович,— предостерегал шефа водитель.

— Ничего, Серега, на том свете отдохнем,— мрачно шутил Костин, стараясь держаться бодро.

С раннего утра директор обходил все производственные участки, дотошно вникал в производственный процесс, проверял качество продукции, следил за параметрами приборов, за производственной дисциплиной. Нерадивым работникам давал накачку:

— Сам разорюсь и вас по миру пушу, если не будете отдаваться работе.

Метод закручивания гаек давал определенные результаты. Однако Костин понимал: чтобы кардинально изменить положение дел, надо срочно переходить от дедовских методов к современному производству. А это значит — вкладывать солидные финансовые средства в строительство нового производственного корпуса, в новое автоматическое оборудование. Словом, перевооружать производство, вводить новые мощности и благодаря этому добиваться высокого качества продукции. Меж тем средств катастрофически не хватало, и директор вынужден был взять очередную ссуду в банке под высокие проценты. Теперь необходимо было проследить, чтобы каждый рубль, вложенный в дело, окупился сторицей.

Почувствовав усталость, директор решил немного отдохнуть — поработать с документами. Костин прошел в офис, поднялся в кабинет, предупредив секретаршу:

— Марина! Ко мне пока никого.

— Хорошо, Игорь Петрович. Сейчас принесу кофе и свежую почту.

Костин тяжело опустился в кресло, задумался. Вошла Марина — поставила на стол чашку дымящегося кофе, аккуратно сложила прессу на край стола и тихонько удалилась.

Костин сделал несколько глотков кофе и, взглянув на письма, остановился на одном из них. В письме шла речь об оптовой закупке офисной мебели. Настроение мигом поднялось, спал груз усталости. Напевая легкий мотивчик, Костин переключился на областные газеты. Отдельные только полистал, другие пробежал глазами.

Добрался до старейшей газеты — патриарха областных СМИ. Он полюбил ее еще с той поры, как молодым лейтенантом был направлен на службу в военный гарнизон неподалеку от областного центра. Уважал за принципиальность, за неизменную нравственную позицию, за близость к простым людям. Костин был глубоко убежден, что настоящая газета должна чувствовать людскую боль. На таких принципах всегда держалась русская журналистика. Недаром же еще Александр Герцен считал, что она есть «не врач, но боль».

Ныне любимая газета переживала нелегкие времена. На рынок средств массовой информации хлынул поток низкопробной печатной продукции, смакующей все, что пахнет жареным, играющей на низменных чувствах читателей. Его же избранница, как бедная интеллигентная женщина, знающая себе цену, и в горьком унижении не роняла своего достоинства. Костин, как мог, поддерживал газету: давал рекламные объявления, посылал для публикации праздничные поздравления своего коллектива, поощрял лучших работников фирмы подпиской на газету.

Всех журналистов газеты Костин узнавал с первых строк, не заглядывая в конец статьи, где стояла подпись автора. С некоторыми из них был знаком лично, других знал только как читатель, но уважал тех и других — все были профессионалами своего дела. На второй полосе в глаза бросился очерк Таисии Крестинской «Не различайте нас с мамой». Это была корреспонденция из тех, что раньше выходили под рубрикой «Письмо позвало в дорогу». Очерк захватил Костина, и он с головой ушел в чтение.

В редакцию пришло письмо от молодой женщины из деревеньки Соколя Гора, давно забытой богом. Женщина жаловалась на бездушных чиновников, которые хотят отнять у нее детей за то, что они живут в нищете. Это был крик погибающего человека: «Муж в бегах — скрывается от алиментов, сама бьюсь, как рыба об лед, но не могу свести концы с концами. Работы в селе нет — колхоз давно распался. Доход от домашнего хозяйства с гулькин нос, пособие на детей мизерное — на хлеб не хватает. Хата прохудилась, одежонка поизносилась, а чиновники вместо того, чтобы оказать помощь, собираются отобрать детей, которым нечего есть. Но разве я виновата, что оказалась в столь плачевной ситуации?! Неужели им неведомо, что ныне так или почти так живет пол-России?!»

Корреспондент газеты выехала в Соколю Горы и ознакомилась с положением дел на месте. В публикации сообщалось, что факты, изложенные в письме, нашли свое подтверждение. Женщина не пьет, ведет небольшое хозяйство. Бывший муж алименты не платит, местонахождение его неизвестно. В старой ветхой хибаре поддерживается относительный порядок. Трое детей одеты в латаную, но чистую одежду и худые настолько, что насквозь светятся. Чиновники действительно проверяли положение детей, угрожали матери забрать их и направить в приют.

Зацепила Костина эта статья — чуть слеза не прошибла. Сам он выходец из села, родился в трудную послевоенную пору и не понаслышке знал, что такое нужда. Отец рано скончался от фронтовых ран, и мать в одиночку тянула свой нелегкий воз —

поднимала четверых детей. Игорь был старшим, и едва подрос, стал помогать матери — подрабатывать подпаском. А позднее — пахал, сеял, косил и стоговал сено каждое лето наравне со взрослыми. Когда приходилось неделями голодать — выручали соседи. Кто блинков даст, кто хлеба горбушку, кто картошкой поделится, кто кружку молока нальет. Особой жалостью отличалась бабка Арина — видя голодные глаза детей, сама не съест, а их накормит. Урожай соберет — часть выделит соседям за помощь. На всю жизнь запомнил Игорь, как простыл, провалившись в полынью, тяжело заболел, и бабка Арина спасла его растирками и сиропом из кускового сахара. Мать, бывало, всплакнет: «Как я с тобой, Семеновна, рассчитывать буду?». А она в ответ: «Успокойся, Ульяна! Мы же русские люди и должны помогать друг другу. Иначе нам не выжить».

В военное училище Игоря Костина провожали всей деревней. Бабы плакали, напутствовали парня: «Хотя бы тебе, старшему, повезло выбраться из нищеты. Тогда и других вытащишь». Повезло. Училище окончил с отличием и всегда добрым словом вспоминал своих душевных земляков. Потом, когда уже крепко встал на ноги, хотел собрать всех за общим столом, сказать им теплое слово. Но было поздно — неперспективная деревенька приказала долго жить: старики померли, а молодежь покинула отчие дома...

Костин встал, нервно заходил по кабинету, о чем-то напряженно думая. И вдруг решительно шагнул к столу, нажал кнопку внутренней связи:

— Марина, срочно вызови Сергея.

Не успел Костин как следует обдумать свое решение, на пороге уже стоял водитель.

— Слушаю вас, Игорь Петрович.

— Вот деньги,— протянул ему несколько крупных купюр шеф,— срочно поезжай в универмаг. Купи три комплекта детской одежды на три, семь и девять лет. Двое последних — мальчики, малышка — девочка. Куртки, брюки, рубашки, платица, спортивные костюмы, кроссовки. А еще — продукты: хлеб, сыр, колбасу, пельмени, тушенку — все качественное. И обязательно сладости: конфеты, печенье, пирожное, вафли, лимонад. Возьми себе в помощь Лену Гусакову из планового отдела. Жду тебя через пару часов.

Не прошло и двух часов, как Сергей докладывал шефу:

— Игорь Петрович, задание выполнено. Машина наполнена под завязку. Все качественное, по моде и со вкусом. Куда прикажете доставить?

— Поехали,— сказал Костин и на ходу бросил секретарше:

— Марина, все вопросы к заму. Буду к вечеру.

Стояла ранняя осень. За окном машины пронеслись деревья, одетые в нарядный убор. Проплывали серебристые паутинки бабьего лета, цеплялись за придорожное бьлье. «Много паутины — добрый знак. Осень будет ядреная»,— вспомнил Костин слова матери. На дальнем поле ярко зеленела свежая, молодая озимь. На опустевших лугах виднелись высокие стога. Рядом с дорогой, на голой стерне, золотились копны пшеничной соломы. Среди них разгуливали стаи журавлей, собирающихся в дальнюю дорогу.

В Сокольей Горе гости без труда отыскивали старую деревянную хибару: журналист описала деревню так, что ошибиться было трудно. Тропинка к избе пролегла через высокий колючий бурьян. Водитель подъехал почти вплотную к хате, поднялся на крыльцо, постучал в дверь. На стук вышла хозяйка, довольно молодая, но с легкой проседью на висках. Озабоченным взглядом широко распахнутых глаз она посмотрела на гостей. На лице мелькнуло удивление, быстро сменившееся страхом. «Наверное, приняла нас за тех, кто грозился отнять детей»,— подумал Костин.— На мою мать в молодости похожа — русская статья, гордость, красота, несмотря на невзгоды».

— Мир вашему дому! Вас, кажется, Людмилой зовут? — шагнул к крыльцу Кос-

тин.— Не пугайтесь — мы к вам с добром. Узнали, что вы попали в сложное положение и хотим вам помочь, если вы, конечно, не против...

Хозяйка удивленно вскинула брови, некоторое время молчала. Похоже, комок застрял в горле.

— Проходите в дом, — наконец взволнованно произнесла она.

— Сергей, открывай багажник — доставай подарки, — распорядился шеф.

Водитель стал вынимать сумки, пакеты, коробки и осторожно складывать на лавочках у крыльца. Хозяйка стояла на крыльце в окружении ребятни, словно вкопанная. По ее впалым щекам текли слезы. Костин смотрел на ее худенькое лицо, на грубые пальцы, то нервно теребящие концы платка, то поглаживающие волосы дочурки, и думал о ее нелегкой доле.

— Ну что же вы стоите? Помогайте, — обратился к детям гость.

Дети посмотрели на мать, и та в знак одобрения кивнула головой. Ребята тотчас несмело подошли к сумкам, стали таскать их в хату. Подарки сложили на старом проваленном диване, неподалеку от печки. Часть коробок разместили на полу. Прежде чем распаковать их, Костин окинул взором внутреннее убранство избы.

Из всех углов на гостя смотрела своими грустными глазами бедность. Несколько табуреток, кровать с панцирной сеткой, старая детская кроватка, источенный сундук, стол в святом углу — вот и вся мебель. На стенах — желтые фотографии. На потолке пятна подтеков, половицы прогнулись, подоконники покосились.

Когда вышли на крыльцо, Костин спросил у хозяйки:

— Есть ли поблизости добротный дом на продажу?

— Вы, верно, под дачу ищите? Тогда в поселке на центральной усадьбе посмотрите кирпичный дом. Там старенькая учительница жила. Дочь забрала ее в город. Узнав о продаже дома, администрация выкупила его, а теперь задумала продать. Говорят, что дорого просят, но я уверена — покупатель найдется. Место там красивое — бывшее дворянское поместье, старинный парк с вековыми деревьями, живописное озеро. Думаю, вам понравится.

— Поедем, Сергей, — позвал водителя Костин. И обратился к хозяйке:

— Мы не прощаемся. А вы пока продолжайте распаковывать сумки, доставайте продукты и вещи, угощайтесь, примеряйте обновки.

В пути Костин упрекнул водителя:

— Ну что же ты, Серега, ничего хозяйке в подарок не подобрал?

Тот в недоумении посмотрел на шефа.

— Игорь Петрович, так мы же вели речь только о детях.

— Ладно, — улыбнулся Костин, — будет подарок и хозяйке...

Несколько часов спустя иномарка вновь мчалась в Соколюю Гору по проселочной дороге. В поле было тихо и покойно. От пестроты красок осеннего дня, от бордовой вечерней зари, что догорала далеко на западе, от запаха горькой полыни, что врвался в окно машины с прохладным воздухом, было немного грустно и в то же время легко на душе. Костин поймал себя на том, что давно не испытывал такого приятного состояния. Хотелось остановить машину и остаться здесь на весь вечер и на всю ночь. Но надо было спешить, чтобы успеть в деревню до темноты.

У знакомой избы шофер нажал на тормоза. Все семейство высыпало на крыльцо встречать добрых волшебников. Ребята были в обновках.

— Ну вот, какие вы нарядные и еще более красивые! — сдерживая волнение, восторженно произнес Костин. — А коль так, собирайте свои пожитки и едем в ваш новый дом. Там уже все готово для приема новоселов.

Людмила сразу ничего не поняла, а когда до нее дошло, что гость интересовался новым жилищем для нее, она решительно отстранила детей и, не помня себя, бросилась Костину в ноги:

— Господи милостивый, уж не с неба ли вы свалились? Назовите же свое имя,

чтобы я знала, за кого мне теперь молиться до конца жизни,— сквозь слезы произнесла она.

— Ну-ну,— остановил ее Костин, обняв за плечи.— Вот этого не надо. Да и имя не обязательно. Мы же русские люди и должны помогать друг другу...

По весне, когда дела мебельной фирмы резко пошли в гору, Костин открыл свежий номер любимой газеты и на развороте ему бросился в глаза заголовок заметки «Мы же русские люди!»

«Уважаемая редакция! Пишет вам женщина, о которой вы написали осенью в статье «Не разлучайте нас с мамой». Может, мое письмо покажется нескладным, потому что я очень волнуюсь — столько всего на меня свалилось за последний год. Хорошее. У меня теперь есть свой добротный дом. Местного вдовца с ребенком приняла в семью. Надежный человек. Не пьет, работает. О детях заботится. Живем дружно. Недавно родилась доченька — моя прекрасная принцесса. Назвали ее Таей, в честь вашей журналистки Таисии Крестинской, благодаря которой мне помогли приобрести дом, мебель, одежду для детей, продукты на зиму. Хочу через газету донести слова благодарности и низкий поклон до замечательного русского человека большой души, который проявил равнодушие и принял живое участие в моей нелегкой судьбе, подарив мне прекрасный дом, а вместе с ним — веру в людей. Я не знаю его имени — он даже не представился. Просто сказал: «Мы же русские люди и должны помогать друг другу». Дай бог ему и всем моим благодетелям здоровья и благ земных и небесных. Спасибо большое от меня и моих детей вашей замечательной газете».

С глубоким уважением, Людмила Ивушкина.

ПОЕЗДКА НА МАЛУЮ РОДИНУ

Иномарка птицей летела по Киевской трассе. Пронеслась и уплывала вдаль вереница придорожных столбов, мелькали поля спелой ржи, разноцветье люпина и клевера, березовые перелески, речушки в оврагах, заросших осокой, черемушником и ивняком. Все это было до боли знакомо Игорю Скрементову — офицеру-подводнику, мчащемуся на свою малую родину на всех парусах.

Свой отпуск он намеревался провести с семьей на берегу Черного моря. Врачи настоятельно советовали жене отвезти дочку-пятиклассницу к южному солнцу. Из-за дефицита тепла и света на Севере ребенок часто болел, прицепилась какая-то редкая аллергия. Да и ему с женой полезно было погреться на морском песочке, искупаться в целебной морской воде, подзарядить изголодавшийся организм солнечной энергией. А на обратном пути Игорь хотел навестить мать в деревне, погостить у нее с семьей несколько дней, помочь старушке подготовиться к зиме.

Уже накануне отъезда на юг Скрементов получил письмо из деревни. Мать писала, что здоровье сильно пошатнулось, одолели хвори, по дому передвигается с трудом. И за помощью обратиться не к кому — деревня опустела, осталось всего несколько хат, в которых коротают свой век одинокие старики. Жить стало страшно — в округе появились банды. «Приезжай, сынок, поскорей. Каждый день для меня теперь как год. Хочу перед смертью повидать всех вас...», — слезно умоляла мать.

Игорь переговорил с женой и внес коррективы в семейные планы: он отвезет жену и дочь в Сочи, а сам помчится к матери. Надо убедить ее перебраться в Североморск. Если старушка, как и раньше, будет стоять на своем — «на кого же я оставляю могилу твоего отца?», то перевезти ее в ближайший поселок, поближе к людям, найти надежного человека, который будет присматривать за ней.

В пути Игорь думал о матери, о ее нелегкой доле. Вспомнился случай из детства. Однажды летом, в разгар сенокоса, они с отцом, инвалидом войны, заготовили пару возов сена на болотистых лужайках, среди лозняка и крушины. Председатель колхо-

за, узнав об этом, велел бригадире изъять сено, скошенное в недозволенном месте. Когда колхозная бригада грузила сено на тракторный прицеп, мать плакала горячими слезами, умоляла не оставлять детей в зиму без молока, не обрекать их на голодную смерть. Отец тогда не выдержал и прикрикнул на нее: «Прекрати, Татьяна. Нечего унижаться». И подойдя к бригадире, твердым голосом сказал: «Зря трудишься. Все равно придется вернуть сено семье фронтовика». В тот же день он отправил письмо в Москву, в центральный комитет партии. Спустя месяц сено было возвращено, причем, с солидной добавкой, и председатель колхоза лично извинился перед отцом — кавалером ордена Красной Звезды. Игорь тогда был школьником, и после смерти отца поклялся себе, что никогда не даст мать в обиду. Но вот сейчас матери плохо, а он не знает толком, как ей помочь, как облегчить ее участь...

Как ни гнал машину Игорь, но к городу подкатил уже в полночь. Двоюродный брат Сергей Скрементов жил с семьей в областном центре. У Игоря имелись его адрес и телефон. Можно было остановиться у Сергея, переночевать, отдохнуть, а рано поутру со свежими силами двинуться в путь. Но Игорь решил не беспокоить родственников ночью, а заглянуть к ним на обратном пути. Да и мать хотелось увидеть как можно раньше, поговорить, успокоить.

Это было нелегкое для страны время — конец девяностых. Криминал поднял голову и нагнел день ото дня. На многих трассах, больших и малых свирепствовали банды. Нападали на фуры, автобусы, грузовые и легковые автомобили. Грабили, угоняли транспорт, убивали его владельцев. В одной из центральных газет Игорь наткнулся на очерк: «Волки» охотятся ночью», и с удивлением прочел о своем родном крае: «...В этой приграничной области на Западе России бандиты развязали террор с каким-то мистическим оттенком. Сельские, да и городские жители с опаской выходят из домов даже белым днем. Запираются на замки черной ночью. Не заготавливают сено, не собирают грибов и ягод, не ходят на охоту, откладывают деловые поездки. Потому что рыщут в дремучих лесах беспощадные «волки», озверевшие от людской крови. Выходят разбойничать на дороги, грабят магазины, угоняют или силой отбирают машины и мотоциклы, врываются в жилые дома, насилюют женщин, совершают зверские убийства...»

По Киевской трассе Скрементов гнал машину без роздыха. Когда же въехал на трассу Орел-Смоленск, расслабился, почувствовал себя дома, на родной земле. До деревни оставались считанные километры, когда свет фар выхватил из темноты силуэт человека посреди дороги, машущего руками. Игорь притормозил, открыл стекло кабины, и высокий белокурый мужчина средних лет, нагнувшись, с акцентом возбужденно прокричал:

— Я латыш. Зовут Янис. Мы с напарником везем ценный груз на Украину. Остановились здесь на ночлег. На нас напало двое вооруженных грабителей. Украли большую сумму денег. Напарник ранен в ногу.

— Где они сейчас? — спросил Игорь.

— Скрылись на красных «Жигулях» вот на том повороте...

— Это на Белоруссию. Я за ними,— бросил Игорь.— Окажи помощь напарнику и на всякий случай перекрой белорусскую трассу своим грузовиком,— крикнул он напоследок и надавил на газ.

Скрементов свернул на повороте и во всю мощь погнал «Ауди». Прошло полчаса, когда впереди замаячил красный «Жигуленок». Игорь стал преследовать его. Бандиты заметили погоню и решили пропустить иномарку вперед. Сбавили ход, свернули на обочину и остановились. Скрементов проскочил мимо них, укрылся за поворотом и стал наблюдать за дорогой.

«Жигуленок» пронесся мимо на бешеной скорости. Скрементов вынырнул из укрытия и вновь бросился в погоню. Бандиты заметили приближающуюся иномарку и открыли по ней огонь. Игорь притормозил, но продолжил преследование. Впереди

замаячили огни — приближался поселок. «Кажется, пост ГИБДД. Неужели сами идут в ловушку?»,— недоумевал подводник. Неожиданно «Жигуленок» резко развернулся и помчался назад, прямо на Скрементова. Проезжая мимо, бандиты вновь открыли огонь. Несколько дробинок пробиты стекло, но Скрементов среагировал вовремя. Тотчас развернул машину и помчался вдогонку.

Иномарка почти настигла «Жигуленка», когда фары «Ауди» вырвали из темноты фургон. Латыш поставил фуру поперек дороги и перекрыл проезд. «Жигуленок» попытался проскочить по краю обочины, но сорвался, опрокинулся и полетел в кювет.

Скрементов пулей вылетел из автомобиля и бросился к «Жигуленку». Подбежав к машине грабителей, он рванул на себя дверцу и вытащил рыжего коренастого парня, который лежал рядом с водителем. Тот попытался направить на него обрез. Игорь резко ударил ногой по руке бандита, выбил оружие. Заученным движением заломил ему руку за спину и, схватив другой рукой за волосы, ткнул головой о край кабины. На помощь подоспел Янис.

Меж тем, водитель «Жигуленка», доселе не подававший признаков жизни, выскочил из машины и пустился бежать по полю, освещенному луной, в направлении зубчатой кромки леса. Скрементов бросился за ним. На ходу сбив ногой крепкого рослого парня, он всем телом навалился на него. Тот сбросил Игоря, попытался подмять под себя, схватить за горло. Игорь извивался, как уж, применял болевые приемы. Силы их были примерно равны, но Игорь был более изворотлив. Улучив момент, он нанес противнику сильный удар коленом в пах. Тот на мгновение ослабил хватку. Игорь воспользовался этим, крутанул его лицом вниз и своим коронным приемом заломил ему руку за спину. Подбежал Янис и огрел бандита монтировкой. Тот мгновенно затих.

Ночных разбойников уложили в иномарку и доставили в районный отдел милиции. Там выяснилось, что за бандой братьев по прозвищу «Рыжие» тянется длинный шлейф тяжких преступлений. И хотя банда просуществовала недолго, на ее счету было несколько пострадавших водителей, похищенные ценности, угнанные машины.

До рассвета Скрементову пришлось подробно рассказывать следователю и описывать в деталях ночное приключение. В поте лица трудился и латыш, побывавший с напарником в поселковой больнице, где раненому была оказана медицинская помощь.

Когда Скрементов прощался с Янисом, тот крепко пожал ему руку, похлопал по плечу и сказал:

— В нужный час ты, брат, подоспел на помощь. И лихо разделался с двумя вооруженными бандитами, хотя с виду вовсе не богатырь. Откуда такая уверенность в своих силах?

— Я подводник,— гордо ответил Игорь.— А на субмарине служат только оптимисты. Кто не верит в удачу, тот не подводник!

На пути к отчому дому Скрементов остановил машину у тихой речушки, петляющей среди кустарников. Игорь спустился к воде, умылся, присел на берег и долго всматривался в речную заводь, сплошь покрытую широкими изумрудными листьями спящих кувшинок. Стояла звенящая утренняя тишина. Над водой, повисая на ветках, расплзался белесый туман. От реки тянуло свежестью, водорослями, знакомыми запахами детства.

Припомнилось Игорю, как босоногим мальчишкой он ловил здесь раков со своим лучшим другом Толиком Кузиным. Как только зацветал лен, друзья собирали снасти и по узенькой кочковатой болотной тропке, известной только им, пробирались к реке. Первый заход делали на вечерней зорьке, а потом строили шалаш и оставались на ночлег. А рано поутру, когда раки выходили на кормежку, вновь ставили под коряги круглые сетки-либерки. Приманкой служили поджаренные на костре лапки лягушек. Тогда так же курился над водой легкий туман, до одурения пахло речной мятой, кувшинками, болотной травой...

Вроде все как прежде, но сколько воды утекло с той поры, как много изменилось за последние годы! Поля, некогда дававшие богатый урожай льна и зерновых, сплошь заросли дикой травой и кустарником. Режет глаз колючий бурьян на пустырях, где когда-то возвышались хаты, красовались деревенские улицы, цвели сады, шумела жизнь. Теперь здесь тишина. «Скоро исчезнет с лица земли и моя деревушка, от которой остался лишь хутор в несколько покосившихся хат. Зато как продвинулся вперед погост на окраине — кресты, словно людские руки, тянутся и безмолвно зывают о помощи», — с горечью подумал Игорь.

Давно уже нет отца, без вести пропал в Афгане брат Михаил, до срока состарилась мать, где-то на Дальнем Востоке служит военный инженер-строитель Анатолий Кузин — возводит понтонные мосты. Да и сам Игорь уже давно не тот деревенский мальчишка, а капитан-лейтенант Северного флота, можно сказать, морской волк, за плечами которого немало нелегких морских походов...

Мать привычно приложила ладошку к глазам, защищаясь от солнца, и вдруг всплеснула руками, шагнула с крыльца, обняла, заплакала:

— Как добрался, сынок? Исхудал, в чем только душа держится. Волосы поредели, седина пробивается. Видно, суровое твое море, вон как силы отнимает?

— Да нет, мама, просто двое суток в дороге, устал малость. Немного отдохну, и ты меня не узнаешь. Ведь воздух наш деревенский особый, целительный.

— Надолго ли в гости, сынок? Как жена и доченька?

— Не волнуйся мама, думаю, что на весь отпуск работы хватит. У нас все в порядке, они на юге, отдыхают у моря, а на обратном пути обязательно заедут в деревню, погостят у тебя. Как ты здесь поживаешь, как твое здоровье? Надо тебе к нам перебраться. Трудно тебе одной в нашем опустевшем, диковатом краю.

— На кого же я оставляю могилу твоего отца, сынок? — горестно покачала головой мать.

